

I **seem** to have briefly silenced him. [M – p. 119]

The writer **seemed** to have had access to his parents [M – p. 134]

The rain **seemed** to have stopped. [M – p. 140]

Глагол *seem* в структурах со сложным подлежащим в современном английском языке достаточно часттен в употреблении и является удобным и лаконичным средством для выражения категории эвиденциальности (Кобрина 2003).

Достаточно частотными являются случаи употребления первого компонента сказуемого в формах именного образования – вспомогательного глагола *to be* + прилагательное со значением ‘очевидности’, ‘возможности’, ‘вероятности’, ‘характерности’, ‘достоверности’ (*certain, sure, likely, unlikely, evident*). В предложениях – такого типа используются разные формы инфинитива, в том числе и пассивного.

He pulls his collar up around his neck and strides down the street toward the junction, from where he is most likely to hail a taxi. [M – p. 8].

He is sure to have a temperature in a few hours [WM – p. 140].

Подводя краткий итог вышесказанному следует отметить, что конструкция со сложным подлежащим хорошо приспособлена для выражения эвиденциального значения, занимающего далеко не последнее место в коммуникативном процессе, в связи с чем для реализации эвиденциальности в этой конструкции чётко определяется ограниченный набор глаголов речи, мнения, кажимости.

Список использованных источников

Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности английского и русского языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 147с.

Иноземцев Л.Н. О копулятивности (на материале современного немецкого языка) // Лингвистические исследования. Синтаксический анализ разносистемных языков. 1979. С.100-115 – М.: АН СССР. Ин-т языкоznания.

Клепикова Т.А. Функционально-семантический потенциал и лингвистический статус модально-связочных глаголов современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 1998. – 24с.

Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И., Гузеева К.А. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис. – СПб.: Союз, 1999. – 496с.

Кобрина О.А. Категория эвиденциальности в современном английском языке (семантика и средства выражения) Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 23с.

Крашенинина Н.Ф. Конструкции "личный глагол + инфинитив" в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Киев, 1970. – 20с.

Прохорова О.Н. Предложение с составным сказуемым, включающим именной модусный компонент: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988. – 16с.

Источники иллюстративного материала

IM – Murdock I. A Word child. – Penguin books, 1975. – 391p.

M – Jojo Moyes “Me before you”, Penguin books, UK, 2012. – 522 с. https://royallib.com/read/Moyes_Jojo/me_before_you.html#0

WM – Maugham W.S. Here and there: short stories. – Moscow: Progress Publishers, 1977. – 360p.

PhR – Roth Ph. The facts. – Penguin books, 1989. – 195p.

«ЦЫГАНСКАЯ ТЕМА» В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУР

Козлова Г.А.

к.филол.н., доцент

ФГБОУ ВО «АГПУ»

г. Армавир, Российская Федерация

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.3.76.914

АННОТАЦИЯ

«Цыганская тема» стала источником творческого взаимодействия и взаимообогащения западноевропейской и русской литературы, диалогом, транслирующим через «вечные сюжеты» и «вечные образы» национальные ценности России и Запада.

ANNOTATION

The "Gypsy theme" in Western European literature is associated with the traditions and customs of the Gypsies, as well as their folklore, which is reflected in the works of Russian and foreign writers.

Ключевые слова: «Цыганская тема», «вечные образы», «вечные сюжеты», романтическая героиня, этнический образ, романтика, идеал свободы.

Keywords: Gypsy theme, novel, romantic heroine, freedom, rock, ethnic image.

Творческое взаимодействие русских и зарубежных писателей на протяжении мирового литературного процесса часто происходило через «вечные» темы, сюжеты и образы. «Цыганская тема» является одной из таких точек соприкосновения межнационального диалога литератур. В мировой литературе к ней обращались

такие писатели, как В. Гюго («Собор Парижской Богоматери»), А. Лажечников («Ледяной дом»), Л.Н. Толстой («Живой труп»), Н. Лесков («Очарованный странник»), А. Куприн («Олеся»), А. Фет («Кактус»), Э.Л. Войнич («Овод»), П. Мериме («Кармен»), Гез Гордони («Звёзды Эгера»), М. Горький («Макар Чудра», «Старуха Изергиль»),

М. де Сервантес («Цыганочка»), Ж.Санд «Консузло», П.Мериме «Кармен» и другие. Во многих русских и зарубежных произведениях жизнь цыган, как правило, романтизировалась и показывалась излишне «красочной, эмоциональной и событийной» [8]. Цыгане в России и Европе получили известность как кочевой народ со своими особыми традициями и укладом, которые привлекали писателей живописностью ярких характеров. «Цыганская тема» дает писателям исключительную возможность для художественного воплощения проблематики, связанной с особенностями менталитета, своеобразием характера этого народа и его представлениями о свободе.

Считается, что негативному восприятию цыган в Европе способствовали первые их представители, которые зарабатывали себе на жизнь попрошайничеством, гаданием и воровством. Вольный образ жизни цыган издавна вызывал к себе противоречивое отношение от непонимания и ненависти до страха и восхищения. Примечательно, что именно в Западной Европе были приняты первые «драконовские» законы против цыган так называемых «бродячих профессий». Среди подобных указов была и смертная казнь не только для цыган, но и для всех, кто имел с ними хоть какое-то соприкосновение. В результате подобных действий западноевропейских правительств цыгане криминализировались и «декультуролизировались» (П. Мериме «Кармен»). Только в 19 в. в Европе антицыганские законы начали отменяться и смягчаться, и цыгане смогли ассимилироваться с местным населением. Однако к этому времени антицыганские легенды прочно утвердились в сознании европейцев, а стереотипы, связанные с многочисленными негативными слухами, вошли в художественную литературу, живопись, музыку.

В России к цыганам, считавшимся выходцами из Византийской империи, было более лояльное отношение, чем в Европе. Им разрешалось заниматься мирными профессиями, ремеслом, участвовать в цирковых представлениях сдрессированными медведями. В 1833 году «за цыганами был признан статус личности, что означало запрет на их убийство» [8].

Поведенческий стереотип цыган формировался под воздействием традиций разных стран, где они мигрировали и расселялись. При этом у различных цыганских групп одного этноса сохранение собственно цыганской культуры было неравномерным и зависело от территориального и языкового единства. Исследователь быта и нравов цыган Н. Бессонов отмечает «только один чёткий маркер идентичности, характерный для всех цыган мира», это «противопоставление себя нецыганам, психологическое разделение мира на цыган и нецыган» [8], который довольно ярко акцентирован в новелле П. Мериме «Кармен»,

«Цыганская тема» как «вечная» оказалась наиболее востребованной зарубежными и русскими

писателями 19 века. Согласимся с И.Ю. Махотиной, которая в диссертации «Цыгане и русская культура» рассматривает особенности вхождения цыганских элементов в русскую культуру и отмечает, что «образ цыган в песнях литературного происхождения и жестоком романсе, нередко проникавших в народную среду из репертуара исполнителей цыганского жанра, был довольно устойчив» [3]. Различные жанры мирового цыганского фольклора послужили основой для создания особого «этнического образа» цыгана в мировой художественной литературе, характеризующегося общими, межнациональными, и частными, национальными, особенностями. Кроме того, «цыганская тема» стала неиссякаемым источником, через который передавались национально-исторические особенности литературы и эстетические установки писателей.

«Цыганская тема» начала завоевывать себе место в русской литературе в 18 в., к ней обращались А.П. Сумароков, Н.А. Львов, И.И. Дмитриев, Г.Р. Державин, В.Т. Нарежный. Однако права И.Ю. Махотина, утверждающая, что «философское звучание» «цыганская тема» «приобрела только в поэме А.С. Пушкина «Цыганы» (1823) [3]. Благодаря А.С. Пушкину и П. Мериме в мировую литературу вошел устойчивый стереотип цыганского этноса, «которому в разной степени подчинялась дальнейшая разработка темы в европейском искусстве, учитывая ретрансляцию известных мотивов у Борроу, Мериме, Бизе, братьев де Гонкур и других. Для своего времени нов был и тип героини-цыганки, чувства которой не признают условий; он отличался от героинь Сервантеса и Гюго уже хотя бы действительным цыганским происхождением» [3]. Следует уточнить, что, начиная с М.де Сервантеса, создавшего в 1613 г. новеллу «Цыганочка», в западноевропейской литературе утверждается романтизированный и несколько сентиментальный образ цыганки. «Цыганы» А.С. Пушкина в русской литературе придали этой теме реалистическую направленность и трагическую тональность. Наиболее близким А.С. Пушкину в реалистической трактовке «цыганской темы» в западноевропейской литературе оказался П.Мериме, показавший в новелле «Кармен» социально-историческую обусловленность нравственного конфликта христианина Хосе и цыганки Кармен.

«Цыганской темой» А.С. Пушкин увлекся в романтический период своего творчества, так как она давала возможность философских размышлений о человеческой свободе в контексте художественного диалога с западноевропейскими писателями. В 1820 г. А.С. Пушкин создает стихотворение «Черная шаль», наполненное роковыми цыганскими мотивами. В нем «цыганская тема» позволяет поэту показать не только трагедию предательства человеческих чувств, но и страшный результат греховной страсти, которая привела героя к убийству возлюбленной:

Гляжу как безумный на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.
Когда легковерен и молод я был,
Младую гречанку я страстно любил.
Прелестная дева ласкала меня;
Но скоро дожил я до черного дня...
В покой отдаленный вхожу я один...
Неверную деву лобзал армянин.
Не взвидел я света; булат загремел...
Прервать поцелуя злодей не успел [4].

В пушкинском стихотворении тема роковой страсти акцентирована концептами «черная шаль», где эпитет «черный» становится предвестником физической и духовной смерти, и «хладная душа», где эпитет «хладный» характеризует уже омертвевшую душу героя после совершения тяжкого греха убийства. Эту тему А.С. Пушкин раскроет в «Цыганах» в контексте концепта «цыганской свободы».

В «Цыганах» (1824) А.С. Пушкин не только отдал дань романтизму, но и провел полемику с ним через концепты «байронический герой» и «цыганская свобода». Подобно «байроническому герою», пушкинский Алеко в поисках неограниченной свободы для реализации своих эгоистических страстей бежит из ненавистной ему цивилизованной среды к цыганам, которые наиболее полно, как ему кажется, соответствуют его воображаемому идеалу свободы:

И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но боже! как играли страсти
Его послушно душой! [4].

Романтизируя идею свободы и ее носителя русского «байронического» героя Алеко, А.С. Пушкин, в отличие от западноевропейских романтиков, не возвышает, а ниспровергает его, разоблачая эгоцентризм и потребительское отношение к любви, дружбе и природе, то есть всему тому, чего ему не хватало в цивилизованном мире. В связи с этим важным в поэме становится концепт «вольность», который раскрывается в антитезе цыганской коллективистской вольницы и эгоистической вольности Алеко, реализующейся через страсть гордыни: «Как вольность, весел ихnochleg...», //«Она привыкла к резвой воле...», //«Будь наш, привыки к нашей доле, /Бродящей бедности и воле...» // «Теперь он вольный житель мира...», //Презрев оковы просвещенья, /Алеко волен, как они...», //«Телеги мирные цыганов, Смиренной вольности детей...» [4]. Как носитель цивилизованных начал, Алеко, хоть и бежит из этого мира, пресытившись, подобно «байроническому» герою, его благами, не способен и на искреннюю привязанность и самопожертвование. Поэтому он неможет быть счастлив с Земфирой, так как, не будучи верным сам, он требует постоянства и верности от других, прежде всего, от Земфиры:

Неизменись, мой нежный друг!
А я... однomoежеланье
С тобой делить Любовь,
И добровольно изгнанье [4].

Абсолютное неприятие взглядов другого человека делает Алеко внутренне несвободным, и, будучи несвободен сам, он становится тираном по отношению к другим. Алеко рассматривает Земфиру как свою собственность, а ее чувство – «как неотъемлемо принадлежащую ему, неотчуждаемую вещь», потому что для него свобода и эгоизм понятия одного порядка. Антитезой эгоистической страсти Алеко, который любит себя в своем чувстве к Земфире, становится идеал самоотверженной альтруистической любви, выраженный в пушкинской лирике:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим... [4].

Подлинная свобода, предполагающая ответственность за своего ближнего, недоступна для романтического героя. В этом заключается основной смысл, вкладываемый А.С. Пушкиным в «вечные образы» «цыганской темы». Неслучайно в конце поэмы старый цыган не только обвиняет Алеко в эгоизме («Ты для себя лишь хочешь воли»)[4], но и говорит о несовместимости его индивидуалистических принципов с народной вольницей цыганского табора:

Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...

Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли...[4].

В 1830 г. А.С.Пушкин, прощаясь с романтизмом и цыганами как одним из концептов его романтической эстетики, вновь обращается к «цыганской теме», и, противопоставляя «бродячую» жизнь цыганской вольницы, «домашней тишине» семейного счастья, склоняется в пользу последнего:

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете – но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.
Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины [4].

Причина отказа от цыганской вольницы раскрывается А.С.Пушкиным в эпилоге «Цыган», где поэт сближает цыганскую и байроническую свободу как христианские грехи страсти, ведущие к гибели человеческую душу:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет[4].

В 1845г. П. Мериме, вступая в литературный диалог с А.С.Пушкиным, создает новеллу «Кармен». Так же, как и А.С.Пушкин, он изучал нравы цыган и их язык, потому что «сделал свою

героиню цыганкой» в память о Карменсите, которую встретил недалеко от Валенсии. Как и А.С.Пушкин, П.Мериме противопоставляет два мира, цивилизации и цыганской вольницы, а внутри них – двух героев – Хоше и Кармен. Для П.Мериме важно показать свободу не только как романтическое индивидуалистическое проявление героев, но и как родовую типическую черту цыган, воспитавших Кармен (исповедь Хоше заканчивается словами об их виновности в произошедшей трагедии). В отличие от пушкинского героя, Хоше изначально осознает свою духовную несовместимость с Кармен. В связи с этим главный конфликт новеллы П.Мериме усложняется столкновением не только двух сильных и неистовых романтических характеров баска Хоше и цыганки Кармен, но и противостоянием менталитетов, христианского и языческого. В антитезе страстных темпераментов героев П.Мериме столкнулись обычаи двух народов, двух противоположных взглядов на мир. Традиционно Кармен и Хоше считаются символами страстных испанцев. Между тем Хоше – баск, в Кармен – цыганка, и они принадлежат к народам с разными культурами, что, безусловно, отдаляет их друг от друга. Разница в жизненном укладе басков с их крестьянской, патриархальной моралью и цыган с их природной вольницей настолько велика, что страсть между Хоше и Кармен закономерно должна была завершиться катастрофой. На контрасте укладов и обычаев цыган и басков построена сцена первой встречи Хоше с Кармен: «Я был молод тогда, я все вспоминал родину и считал, что не может быть красивой девушки без синей юбки и спадающих на плечи кос» (автор делает сноску: «Обычный...костюм крестьянок Наварры и баскских провинций») [3]. И вдруг Хоше слышит, как кто-то говорит: «Вот идет цыганочка». Он поднимает глаза и обнаруживает перед собой Кармен в вызывающем для его моральных устоев костюме: «На ней была очень короткая красная юбка, позволяющая видеть белые шелковые чулки, туфельки красного сафьяна, привязанные лентами огненного цвета», она цыганка, а, значит, «крестница сатаны». Он сразу понимает, что эту девушку никогда не примут у него на родине, но не может совладать со своей страстью. Думается, что судьба Хоше особенно драматична потому, что унаследованный им от народа страстный темперамент, в полной мере раскрывающийся в чувствах к Кармен, вступает в конфликт с традиционным для его народа пониманием долга и чести. Что касается цыган, то особое место в их

сознании занимает понятие коллективной, таборной свободы, которое, как вернопоказывает П. Мериме, является неиндивидуальным, а родовым качеством. В исторической справке и сюжете новеллы автор обобщает эти черты в образе Кармен: «Им надо понравиться, их благосклонность надо заслужить»[3]. Хоше и Кармен разделены не только традициями, национальностью, но и верой. Героям не суждено быть вместе в силу разницы их религиозных убеждений, потому что воспитанный в христианских традициях баск Хоше, не смирился бы с поведением женщины, от одного взгляда на которую люди на его родине осеняли себя крестным знамением. Подобно А.С.Пушкину, П. Мериме, как реалист, изображает характерные особенности внутреннего уклада цыган и национальную специфику их быта и нравов. Как и русскому поэту, «цыганская тема» дает П.Мериме возможность воплотить идеал романтической свободы в мужском и женском образах, столкнуть в неразрешимом противоречии их страстные, свободолюбивые характеры и показать трагический результат конфликта – убийство героини. Таким образом, «цыганская тема» позволяет авторам на контекстуальном уровне архетипа цыганской свободы вводить концепты его семантического поля для реализации собственной эстетики и национальной специфики русской и западноевропейской литературы.

Список использованной литературы

1. Гюго В. Собор Парижской Богоматери. М.: ИД «Фактор», 2007. – 276 с.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.4. М.: Русский язык, 1982.
3. Махотина И.Ю. Цыгане и русская культура. Автореферат диссертации на соискание канд. филол.н. Тверь, 2012. URL: <http://cheloveknauka.com/tsygane-i-russkaya-kultura>.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 т.т. М., 1959. 1959, т.3 URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/02poems/01poems/0789.htm>
5. Санд Ж. Консуэло. Эксмо, 2007. – 467 с.
6. Сервантес М. Назидательные новеллы. Цыганочка. URL: http://www.sky-art.com/cervantes/novel/novel_04_ru.htm .
7. Сказки и песни, рожденные в дороге: цыганский фольклор. М.: Наука, 1985. – 520 с.
8. Цыгане. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Цыгане>